

Если нам необходимо наиболее отчетливо представить тот ужас, который парализовал в начале века ум и волю русского общества, мы найдем это в рассказах и трагедиях Леонида Андреева [1871—1919], ушедшего в зените славы в добровольное изгнание в глуши.

Что же скрывалось за этим отшельничеством — неприятие действительности, тоска по духовным идеалам или индивидуализм!

ОТШЕЛЬНИК ВАММЕЛЬСУУ

Теперь-то все разорено и выкорчевано, и даже на соседнем кладбище — пустая, отверзтая могила. Прах бывшего властителя дум предтеч революционной бури перенесен на Волково поле в Питере, и мало кто сегодня знает, какие страсти витали над поймой черной реки, прорезавшей молчаливые косогоры, над озером Ваммельсуу, над мелкою зыбью Балтики. А тогда...

Имя Леонида Андреева гремело по всей России, когда он нежданно для всех решил вдруг «экспатриироваться» и вдали от шума городского приобрел себе «кусочек горки». Архитектор Андрей Оль, зять Андреева, воплотил в жизнь замысел писателя. Так была отгрохана презентабельнейшая «Вилла Аванс». «Аванс» — это имя дано ей было Андреевым, ведь он хоть и считался весьма преуспевающим писателем, построил дом на средства, взятые у издателя в долг.

Он обожал все огромное, вспоминал Чуковский. Это сказалось на постройке: пятнадцать комнат, над ярко-красной черепичной крышей возвышалась квадратная пятнадцатиметровая башня. Сложенный из громадных бревен дом обогревался двадцатью печами, сжиравшими неимоверное количество дров. Грандиозный

кабинет — святая святых и важнейшая достопримечательность дома. Темно-коричневые дубовые бревна пересекали серый потолок. Стол сам был похож на дом — велик и независим. Дубовые кресла можно было передвигать лишь втроем. Их готические спинки, подобный платформе диван, синее сукно на полу — все это производило, по мнению очевидцев, впечатление мрачной торжественности.

В простенках — на картоне углем были сделаны Леонидом Николаевичем копии Гойи: черт, которому стригут ногти, и старец с крыльями летучей мыши, строчащий что-то гусиным пером. Католическое распятие и четки, старинные еврейские семисвечники, окна, распахнутые к чистой синеве небес, — все это производило впечатление. Гости вспоминали, что балкон был подобен палубе корабля, каждая печная труба походила на небольшой домик, однако и этот дом-левиафан был неспособен вместить всех гостей писателя, которых иной раз собиралось до полусотни!

В Ваммельсуу самый воздух был насыщен волей к размышлению и творчеству. Все приезжавшие туда хоть ненадолго ударялись либо в беллетристические опы-

[Окончание на 8-й стр.]

ОТШЕЛЬНИК ВАММЕЛЬСУУ

ты, либо в рисование. Один дворник стал в конце концов незаурядным художником; правда, попадались и курьезы. Скажем, некий не отягощенный оковами стыда и совести мышинный жеребчик всякий раз являлся с визитом в сопровождении всегда новой пассии. Оказывается, он слыл отчаянным ловеласом, и в «программу» его обольщения непременно входило посещение знаменитого писателя.

Мрачный от природы, Андреев всю свою творческую жизнь был погружен в пучину познания смерти и умирания вообще. По Андрееву, утверждал Горький, человек — «раб смерти, и всю жизнь он ходит по цепи ее». Долгие периоды угрюмства, однако, вдруг замещались минутами веселья. Устраивались шуточные спектакли. Писатель вытаскивал из дома огромный фотоаппарат на треноге и запечатлевал сцену. Одно увлечение уступало место другому. За фотографией следовала живопись, за ней — мореплавание... Среди внешнего шума и блеска, при полном материальном благополучии даровитый писатель не находил успокоения. Подмечено еще было Гонкурами, что тот, кто живет слишком нервной, напряженной жизнью, не создаст ничего великого, он истратит силы свои лишь на то, чтобы выжить. Громадная сила воли, устремленная к творчеству, все-таки уходила на преодоление придуманных препятствий. А в русских театрах на «ура» в ту пору шла пьеса Андреева «Жизнь человека», разбитая на пять актов: рождение человека, любовь и бедность, бал

У человека, несчастья человека, смерть... По утверждению Вадима Леонидовича, сына писателя, на Черной речке Андреева настигла пора третьего акта — Бал. То были годы с восьмого по четырнадцатый. Появляются и исчезают праздные люди, пришла и ускользает слава.

..Гранула война, подкрадывалась революция. Ушла громкая слава. Но отшельник Ваммельсуу уже достаточно прижился на финских скалах, окруженный своей семьей, в привычной обстановке, среди любимых книг и вещей. Он, как вспоминают друзья, лишь изредка выбирался

столицу, в основном по делам. И «Вилла Аванс» стала сюда торевным замком, местом з Оторванным от мира, без газет

Настал четвертый акт великой Несчастья человека принесли е нездоровье. Семья Андреевых ос семнадцатого года заложила Аванс», переехала в деревню, в то близ Териоки — нынешнегогорска. То был в ту пору са центр белой гвардии. Андреев возвал, но на поклон к новой в пошел. Уже не оставалось сред жительство в Тюрсева, переехал евы в скромный домик драматур Ковского в тех же местах — в Нейвола.

«За время его пребывания в Ф — вспоминает А. Фальковский, — не коснулась ни одной копейки из гренного братской кровью золот фое сыпалось в карманы всех т примазывался к белому движению

После его смерти во всем до лось восемь финских марок».

А «Вилла Аванс»... Что ж, р нордическое палатцо после конч злина тоже не хотело жить. Ра гнездо оставалось без присмотр писателя после его смерти пыта кончить с собой и вскоре умерла. дети оказались на чужбине. Аванс» в 1924 году продана была ги на дрова вместе с семью дес земли.

Андрей НИКО спец. корр. «С САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

